

М.В. Ладутько (Могилев)

ОППОЗИЦИЯ СВОЙ – ЧУЖОЙ В КОНЦЕПТОСФЕРЕ А.А.КУЛЕШОВА

Пронизывая всю культуру от неживой природы к живой природе и к миру человека и являясь ядром всякого национального мироощущения, концепты “Свой” и “Чужой” приобретают фундаментальный характер, а их оппозиция становится универсалией. Данные концепты можно определить как своеобразный сгусток общечеловеческого и национального. Лингвокультурологическое описание концептов “Свой”, “Чужой” представле-

но в работах Э.Бенвениста [1], Ю.С.Степанова [2] и многих других ученых. В.В.Иванов и В.Н.Топоров предлагают рассматривать оппозицию Свой – Чужой в трех аспектах: в социальном, т.е. между социальными группами и внутри одной группы; в этническом, т.е. в противопоставлении разных наций, религий, культур; в антропологическом, т.е. в противопоставлении человеческого и нечеловеческого, звериного, колдовского [3, с. 156-165].

Свой – это значит родной, собственный, дорогой, любимый. В концептосфере А.А.Кулешова понятийное ядро концепта “Свой” формируют лексемы, во-первых, со значением “кровное родство”, репрезентирующим сегмент “родной”: **сям’я (прадзед – дзед – бацька – маці – дзеці (сын, реже – дачка)**. *Жыў дзед мой..., мой бацька нарадзіўся..., тут радзіла мяне калісьці маці “Калінка”*; во-вторых, с этим же значением, но дистантированным во времени: **продак – прадзед – патомак – брат**. *Ты выбачай, мой патомак, далёкі мой брат “Размова з патомкам”*; в-третьих, со значением “родство по браку”: **маць жены – зяць**. *Маці зяця кліча да стала, Шчасця міскай поўнаю частуе...* “Бюро даведак”; в-четвертых, со значением “собственный, принадлежащий одной возрастной группе”: **таварышы, таварышка, (таварышка – сцяжынка)** *Як вам і мне, таварышы, мая...* “Хатка”, **дружбакі** *У дружбакоў маіх згарэла хата...* “Хатка”, **сябры** *Па дарогах тых, на сцежках тых, Па якіх ішла сяброў сям’я ўся...* “Маладосць”, **сям’я адвыкаў ад школьнае сям’і** “Бюро даведак”; в-пятых, со значением “собственный, но принадлежащий уже более широкой общности”: а) внутри одного этноса **сяло** *Сялом – усе так робяць – Красуем цэлы дзень “Ельнік”, сям’я ...Там лодзі ўсе, нібы адна сям’я “Хатка”, землякі* *У вёску ад’язджаю Падышаць, чым дышуць землякі “Вуліца Маскоўская”, суседзі, блізкія людзі* *Тут сустраліся блізкія лодзі “Млынар”*; б) между разными этносами **тутэйшыя людзі** *У вобласці Арлоўскую хмарка плыла, Пачаўшы свой шлях з Магілёўскай... Нямала яна для тутэйшых людзей Зрабіла карыснай работы “Магілёўская хмарка”, старэйшыя браты* *Не грознымі багамі дзікунам Мы будзем, а старэйшымі братамі “Сама Зямля не вечна – час даводзіць...”*; в-шестых, со значением “дорогой, любимый”, которое распространяется только на отношение юнак – дзяўчына: **юнак, дзяўчына, дарагая, любы, родная дзяўчынка** *Бывай, абуджаная сэрцам, дарагая “Бывай”, ...Любы мой “Ліст з палону”, Заходзь жа ў хату, родная дзяўчынка...* “Хатка”.

Концепт “Свой” в картине мира А.А.Кулешова структурируется вокруг лексемы **сям’я**, отражающей славянскую идею соборности, т.е. идею определения субъекта бытия как мы, ибо я есть часть, а не целое. А.А.Кулешов усиливает это звучание, введя в контекст эпитет адзін в значении “единственный, общий”: *І думкаю былі ўсхваляваны адной, Градасцю былі ўсхваляваны адной, І песняю былі ўсхваляваны адной...* “Дарогі”, **Адным**

дымком падышам і ельнікам адным “Ельнікі”, Тут людзі ўсе, нібы адна сям’я “Хатка”.

“Вещный образ” семьи в концептосфере А.А.Кулешова – это дом, хата, это освоенное пространство, которое осознается как свое: *Тут яны, дзе рады ім сцены, - сцен сваіх Не пакрыўдзяць здрадаю* “Далёка да акіяна”. Поэт варьирует лексемы **дом** и **хата**, изредка упоминает **гнездо Маці!** *Не заві ты іх Да свайго гнязда* “Далёка да акіяна”, **куток** *Я моху наскубу для іх кутка* “Хатка”, но все же отдает предпочтение **хатке**, имеющей национальную специфику, и образует от нее деминутивы **хатка**, **хацінка**. Подготовленное всей белорусской традицией отождествление сям’я → хата рождает образ-концепт Хата–сям’я: *Мае на зямлі Хата месца сталае, Пляч, што ёй далі, Радаслоўе гордае, Свой драўляны век, Прызначэнне цвёрдае, Як і чалавек* “Далёка да акіяна”. Этнокультурная значимость образа-концепта Хата раскрывается постепенно. В белорусской хате и элементы строения, и предметы быта имеют собственное предназначение, об этом же свидетельствует и А.А.Кулешов: *Дом прыняў людзей, З палавінай праваю, З левай, - як раней. З правай палавінаю – для гаспадара, З левай, гаспадынінай – Для патрэб двара... Сенцы – пасярэдзіне, З кухняй – для дзяцей. З цёплаю ляжанкаю Печ, засланы стол* “Далёка да акіяна”. Объяснение деления хаты на правую и левую части связано с языческим мировосприятием белоруса: левая сторона изначально трактовалась как “приносящая пользу, благо” и относилась к женской сфере, а правая – как сильная, защищающая, мужская. Отсюда и: *правай палавінаю ведаў бацька мой*.

Устройство хаты повторяет устройство мира, которое в мифическом представлении тесно сплетено с созданием мира: под крышей ветер – символ верхнего мира, в среднем ярусе печь – символ прирученного огня, над головой крест – символ возникновения мира, места для души: *Печ – над столлю нізкаю, Вецер – над страхой, Полаг – над калыскаю, Крыж – над галавой* “Далёка да акіяна”.

Для белоруса осознание собственной значимости равнозначно сочетанию “мая хата” как понятию семейной, социальной, моральной сферы, что и переносит А.А.Кулешов в свою картину мира: *сцен сваіх трымацца, бо ...як жыць без хаты ўтульнае?* “Далёка да акіяна”. Белорусская лексема **утульны** имеет в русском языке эквивалент уютный. Ю.С.Степанов предлагает возможную реконструкцию этимологического облика лексемы уют: “существует др.-рус. слово утылина, утылина “щель” (Срезневский, III, 1322). Уютный значит буквально “в щелке приткнувшийся”. Понятие уюта в русском быту всегда ассоциируется с укромностью, укрыванием от внешнего мира, в каком-то уголке с покоем. По этой семантической модели образовано и покут (от кут “угол”), означющее “укромное местечко, приют” [2, 695]. Краеугольное понятие белорусской народной культуры – малая

родина, на этом основании А.А.Кулешов соединяет хату–сям’ю с хатой–родны кут: *З хаты пачынаецца Кут, што людзям люб, Хата ў птушкі маецца, У крыніцы – зруб, Што ў часы далёкія Прадзеды-дзяды Ёй рубілі з вокнамі, З брамкай – для вады, – Каб цяклі струменьчыкі, Пакідалі лог, Як акно – агенчыкі, Як сляды – парог “Далёка да акіяна”.*

А.А.Кулешов выстраивает семантическую линию я-Свой → сям’я → хата → родны кут: *Гэта хата, поле, луг З рэчкай заадно – Даўняй еднасці ланцуг, Я – яго звяно “Далёка да акіяна”.* Но если я-Свой и хата–сям’я – это центр мироздания, то внешнее пространство организовано в виде кругов, причем только ближний круг претендует на номинацию “родны кут”. *Першы круг – пад вокнамі Зранку вымяраць Двор і прызбу крокамі Шырынёю ў пядзь. Далягляды новыя Адкрываць штогод – Межы палыновыя, Лазню, агарод. Круг другі – абжытыя Поле, лес і луг, рэчкаю абвітыя... Школа – трэці круг... “Далёка да акіяна”.*

Таким образом, через установление ассоциативных связей я-Свой → сям’я → хата → родны кут создается образ-концепт Хата, имеющий этнокультурную значимость для реализации концепта “Свой” в картине мира А.А.Кулешова.

Чужой – это не свой, не родной, не связанный общими взглядами, посторонний, далекий, иностранный. В концептосфере А.А.Кулешова выстраивается следующая лексико-семантическая парадигма концепта “Чужой”: **чужы** *Хай краса не старае, Як з чужым яна Хлопцам абвянчаецца... “Далёка да акіяна”;* **чужыя людзі** *Памахала праваю Мне рукой здалёк Маці, выпраўляючы Да чужых людзей... “Далёка да акіяна”;* **чужынец** *І лічыў, як аглушаных рыб на затоках, Ён чужынцаў, ці шмат іх лягло ў трысці? “Хлопцы апошняй вайны”;* **чужак; чорныя госці** *Як пакінулі чорныя госці сяло... “Млынар”;* **вораг** *вораг тут на іх зямле лютуе “Балада аб знойдзе-най падкове”;* **нелюдзі** *На беразе мора, у час прыбою Узважвалі нелюдзі вока людское... “Балада пра вока”;* **раб, рабыня** *Я рабыня, рабыня, Я чорная, чорная, чорная!.. “Ліст з палону”;* **чорная.** А.А.Кулешов расслаивает тех, кого причисляет к чужим, на две группы. К первой относит бывших своих, по тем или иным причинам вышедшим из круга Своего: это и **хата без сям’я** *Хата здалася чужою “Млынар”*, это и **хлопец** *...з чужым яна Хлопцам абвянчаецца “Далёка да акіяна”*, это и **бяздомныя** *Ішло пакале-чаных продкаў Бяздомная племя калек “Крыўда”*. К ним поэт испытывает сострадание, понимание их состояния.

Вторая группа многочисленна: чужак, чужынец, враг, чорны госць, нелюдзь, чорны, но служит для выражения одного: чужой – это враг. Эта точка зрения обусловлена и этимологически (по замечанию Э.Бенвениста, чужой обязательно враг, враг – обязательно чужой [1, 341]), и экстралингвистически (события Великой Отечественной войны)..

В одном ряду оказались лексемы враг и гость (вораг и гощь). Это алогично только на первый взгляд: в праязыке они имели одинаковый облик – ст. слав. *gosti* значит “гость”, в то же время как лат. *hostis* означает “враг”. С определенными оговорками допускаем, что то и другое производны от значения “чужестранец”, которое засвидетельствовано еще в латыне; отсюда “чужестранец с добрыми намерениями → гость”, а “чужестранец с недобрыми намерениями → враг” [1, 77]. Но А.А.Кулешов предлагает иной аргумент семантического соположения враг – гощь: добавляет эпитет *чорны* к лексеме *гощь*, тем самым активизируя культурную память, ибо в наивной картине мира древних славян черный – это цветообозначение темных сил, враждебно настроенных против людей.

Свой – Чужой в концептосфере А.А.Кулешова противопоставляются в **социальном плане** (*Кожны мае свой бор, родны бор на зямлі... “Маё сэрца ў бары” – Як ад роднай галінкі дубовы лісток адарваны, Родны Мінск я пакінуў, нямецкай бамбёжкаю гнаны “Сцяг брыгады”*); в **этническом плане** (*Нямала яна <хмарка> для тутэйшых людзей Зрабіла карыснай работы “Магілёўская хмарка” – вораг тут на іх зямле лютуе... “Балада аб знойзденай падкове”*); в **морально-этическом плане** (*На беразе мора, у часе прыбою, Узважвалі нелюдзі вока людское. ... У воку, апроч іх <зор>, свяцілася мора, На сэрцах у нелюдзяў стала трывожна – ім мару ніяк нераважыць няможна... “Балада пра вока”*).

Таким образом, концепты “Свой” и “Чужой” у А.А.Кулешова созданы по **архетипической модели**, что предполагает их врожденность, доязыковую готовность к семантизации. Концептосфера А.Кулешова репродуцирует прежде всего национальную (белорусскую) и универсальную (славянскую) картину мира, А.А.Кулешов выступает как хранитель национальной культуры.

Литература

1. **Бенвенист Э.** Словарь индоевропейских социальных терминов. – М., 1995.
2. **Степанов С.Ю.** Константы. Словарь русской культуры. – М., 1997.
3. **Иванов В.В., Топоров В.Н.** Славянские языковые моделирующие семиотические системы (Древний период). – М., 1965.